Пролог Глава 2

Предпраздничная лихорадка, охватившая Экуус, сильнее всего изменила облик столицы, обычно роскошной и строгой. В тихом и невероятно тёплом для конца октября воздухе чувствовалось приближение лучшей ночи в году. Все городские постройки укутались в мерцающие разноцветными огнями гирлянды. С фонарных столбов свисали клочья паутины и яркие ленты. Улицы пестрели от праздничных тыкв и детворы во всевозможных костюмах. Разнообразные чудища, персонажи популярных фантастических книжек и старых сказок, герои из легенд… Словом, всё, на что была горазда фантазия маленьких земнопони, пегасов, единорогов, а также их родителей. Свинцово-чёрные тучи, сгущавшиеся с самого полудня (для большей атмосферности праздника), раскололись в ослепительной вспышке. Разряд молнии затмил на мгновенье лунный свет и пропал, затерялся среди вечно заснеженных пиков Канделльских гор. Первый раскат грома обозначил начало нового дня секунда в секунду. Даже Энтропа не справилась бы лучше.

– Расти, ты не устал? Еда стынет, – ровный, с едва заметной хрипотцой, голос Айрон Шелла донёсся из интеркома.

Один из немногих выпускников недавно учреждённого инженерного факультета Имперской академии точных наук, которому было дано имя Расти Шелл, замер. Покосился вверх, где им и был установлен экран упомянутого интеркома. Голос отца звучал по-обычному строго. Годы военной службы и две пройденные войны оставили свой отпечаток – Айрон Шелл был серьёзен почти постоянно. Расти обречённо вздохнул.

– Уже иду, пап!

Он ловко, сподобившись-таки не задеть головой дна, выбрался из-под машины, зависшей в фиксирующих лучах. Это было единственное магическое приспособление в гараже. Стянул защитные очки и бросил прощальный взгляд на обнажённый ховеркар, как художник или скульптор, осознающий скорое рождение шедевра. Машина уже была на ходу и кузов кучкой пласталевых деталей лежал в углу. Не хватало, как всегда, времени. На ходу снимая рабочую робу, Расти забежал в обеззараживатель. Айрон Шелл, хоть и мирился с увлечением сына, не любил странное устройство, собранное и вмонтированное сыном в стены подвального коридора. Особенно после того случая, когда оно заблокировало в своих недрах Куки Стим, их кухарку, и сожгло обед, который та принесла вниз. Больше бедная Куки в гараж не спускалась.

За “коридором ужасов” была широкая лестница, делавшая полукруг, и ведущая к первому этажу и комнатам прислуги. Огромное, построенное их далёким предком для семьи из дюжины пони, поместье медленно приходило в запустение. Уже навсегда закрылись двери гостевого домика. Единственными комнатами, ещё хранившими тепло и уют, остались кухня, гостиная и отцовский кабинет. И гараж, если конечно мозаику из масляных пятен и треск ртутных ламп можно назвать уютными.

Отец сидел во главе стола, на выцветшем от времени кресле. За его спиной трещал настоящий, сложенный из кирпича камин, а не одна из новомодных поделок. Стены гостиной были заставлены книжными шкафами, перемежавшимися портретами их знаменитых предков. Над столом хаотично

плавала россыпь зачарованных на сияние кристалликов. Голо-проектор в углу вещал обычную новостную солянку.

“Пропадёшь ты без меня, отец”, – подумал Расти, с грустью разглядывая побитую временем вычурность гостиной.

Отец нахмурился, по обыкновению угадав ход его мыслей, но на этот раз смолчал. Айрон Шелл, экс-командир отряда “Неопалимые”, один из смельчаков, вместе с Императрицей штурмовавших линкор “Адмирал фон Гэрроут”, свидетель легендарной дуэли Силы против Знания, участник переговоров Империи и Конфедерации и прочая, прочая, прочая…

“И вот прославленный герой сидит в своём полуразвалившемся от времени замке, забытый друзьями, покинутый близкими, отринутый той, которой клялся в верности и вечном служении. Как поэтично.”

Никогда ещё Расти не испытывал к поэзии такой ненависти, как сейчас. Казалось, что переполнявшие его эмоции сейчас разорвут его на части. Но он сдержался. Напряжение помогла разрядить Куки Стим. Дородная сталлионградка, пятясь, втащила за собой уставленную тарелками тележку. Обычную, на колесах. Тележку, которые в Империи были большой редкостью.

– Проголодались, ребята? – её голос, глубокий и сочный, был ей под стать. В голове сразу появлялись мысли о густой, сытной похлёбке. В унисон заурчали животы.

– Спасибо большое, Куки, – искренне поблагодарил Расти, принял дымящуюся ещё плошку. – Выглядит очень вкусно.

Сталлионградка, как всегда, постаралась на славу. На крепко сбитом дубовом столу появились, один за другим, воздушный омлет с тёртым острым сыром (импортируемый из Конфедерации сыр Гвалндра, старинный грифоний рецепт) и зеленью, лёгкий фруктовый салат и баночка солений с охлаждённым красным вином. А посреди всего этого – резная тыква. Что же это за Ночь кошмаров без тыквы?

– Ещё бы, ведь я готовила. Ты удивляешься, будто в первый раз, – отмахнулась она, ловко разливая напиток по бокалам. Но было видно, что кухарка довольна. – Вы, аристократишки, привыкли к хорошей еде и изысканным напиткам, хотя сами не умеете делать ни того, ни другого. Ну и толку от вас?

– Тол...что?! – задохнулся Расти. Ироничного и немного снисходительного взгляда, которым обменялись Айрон и Куки, он не заметил. Разговор опять превращался в спор и шел по проторенной дорожке. Куки задавала какой-нибудь провокационный, но безобидный вопрос, Расти шёл у неё на поводу, а Айрон изредка вставлял замечания. Расти давно выучил “сценарий”, но не ответить было выше его сил. – А не думали вы, что без нас не было бы арканологии, дипломатии, искусства. И теории слепых порталов, которая открыла нам путь к далёким звёздам....

Список заслуг аристократии был весьма длинным. И недаром, ведь политические и научные

деятели Империи были в большинстве своём выходцами из её рядов. Так же, как и офицерский состав Легиона и Гвардии. Социально-классовая структура Империи сложилась задолго до её основания и была незыблемой, как власть Императрицы. Пегасам – бесконечное небо. Земнопони – твердь, что под ногами. Вотчина единорогов – сама магия, которую они тщетно пытаются измерить и изучить. Поприщем перевёртышей, которые наравне со всеми были гражданами Империи, были мысли и души. Военным же делом занимались все без исключения. Но, вместе с тем, сохранялась и социальная мобильность.

– Аристократия ещё до открытия межзвёздных перелётов была основой государства. И власть Четверых без её поддержки рухнула бы намного раньше, – пылко продолжал Расти. Императрица очень ответственно подошла к патриотическому воспитанию молодежи, когда взошла на престол. Хотя ей не приходилось особенно стараться: легко вдохновлять других, когда ты – бог. – Но жизнь показала нам, что даже аликорны не всесильны. Один из самых горьких уроков для нашего народа… Но то, что мы получили взамен… оно того стоило. Мы потеряли цель в жизни, потеряли тех, кто оберегал и наставлял нас. И нам поневоле пришлось повзрослеть. Их прощальным даром стала свобода. От шор и оков. От заботы, что не давала нам упасть, но и мешала встать. А это по-моему будет важнее какой-то там кулинарии.

Расти замолчал и перевел дух. Глупо было даже надеяться, что его длинный монолог сможет их убедить. Отец частенько ворчал по поводу его увлечения. Но он никогда не отказывал сыну, когда тот просил его купить какие-нибудь инструменты или технику, если позволяло их состояние. И это именно он предложил сыну поступить на инженерный факультет Имперской академии. Кроме того, он смог найти зебру, которая помогла Расти с подготовкой, и воспользовался своими связями, чтобы сыну наверняка досталось место. Но чтобы он начал считать его за равного, воспринимать его как взрослого? Об этом не могло быть и речи. И Расти частенько хотелось взвыть от неспособности это изменить.

– Какой-то там… – хмыкнула Куки. Она уже не улыбалась, не обменивалась взглядами с Айроном. Тот тоже посерьёзнел. – Я хоть и не училась в университетах, малец, но историю знаю. И могу с уверенностью сказать, что из-за скверно приготовленного утреннего кофе было развязано не меньше войн, рухнуло не меньше государств, чем из-за ошибок этой вашей “димлопатии”.

– Может и так! – ответил Расти, заметно повысив голос. – Ведь до Объединения мы были глупыми и наивными, словно…

– Довольно! – рявкнул его отец, хватанул по столу. Расти, Куки и нетронутая еда так и подскочили. Айрон кричал так же редко, как и улыбался, но если уж начинал... Седогривый единорог устало потер лоб, вздохнул и продолжил уже спокойнее. – Юношеский максимализм… Все мы через это проходим в свое время. Некоторым повзрослеть так и не удаётся.

Расти притих, пристыженно ковырнул вилкой салат. Отец был сторонником архаичных методов воспитания и это дало свои плоды. То время давно прошло, но Расти привык не перебивать отца… слишком уж часто. И не перегибать палку в спорах.

– Никто не пытается принизить заслуги аристократии, сын, – успокаивающе сказал отец. – Ведь

без нас страну бы растащили по кускам. Но Легион тоже внёс огромный вклад, хотя армия тогда и не была столь популярна. И им бы попросту не дали удержать власть. Но слепое поклонение догмам еще никого не доводило до добра. Этому твои университетские преподаватели видимо не смогли тебя научить.

Расти задумчиво пожевал губу. Что самое странное, в глубине души он *был* согласен с отцом, понимая, что у того в разы больше опыта. Но почему-то всё равно продолжал стоять на своём.

“*Почему мне так тяжело признать свою неправоту? Бред какой-то… Это же мой отец, ничего страшного ведь не случится, если я соглашусь с ним. Почему мне так страшно… проиграть. Хм-м... Может в этом всё и дело? В том, что я не люблю сдаваться? Надо подумать об этом на досуге. И поговорить с отцом, ведь он сейчас оспаривает позицию самой Императрицы!*“

– Один из минусов современного образования, – согласно покивала Куки тем временем. – Не понимаю, о чём думают в Министерстве, когда проводят все эти реформы. Вот в моей молодости…

Расти всё-таки не выдержал и издал полный вселенского отчаяния стон.

“Богини… Озаряющая, Таинственная, Любящая, Безымянная… Ну чем я заслужил эту пытку?.. Как же я хочу отсюда уехать…” – безмолвно взмолился он Четверым. И они ответили. Да так, что он вскоре пожалел о своей просьбе.

***

– Вы не выберетесь отсюда, – безапелляционно заявил центральный конструкт. – Анализ текущих возможностей корабля, соотношения сил и вероятностного поля позволяет мне с 87% уверенностью утверждать, что вам не удастся прорвать…

– Плевать, что этот голем там говорит, – перебил Кастоди, командир размещённой на “Полночи” десантной бригады. – Мы права не имеем ничего не делать, вы понимаете?

– Согласна, – отозвалась из своего кресла Хэппи Сонг. Шлем мнемосети тихо гудел, принимая данные от их маленькой флотилии. – К тому же, вероятностное поле – дело тонкое. Даже Императрица признаёт, что не всегда может разобраться во всех его… м-м… изгибах. Тринадцать процентов сами по себе – это достаточно неплохой шанс. Мы должны попытаться.

Майлстоун, ничего не говоря, дважды ударил себя в грудь – общепринятый армейский жест, означавший все, что угодно, в зависимости от ситуации. Сейчас это, по всей видимости, была решимость и готовность идти до конца. Почему ударяли дважды, никто уже и не помнил.

Адмирал Тезер Пирс, темно-оливковый единорог в фиолетовой флотской форме, к которому все трое по сути и обращались, смолчал. И к своему ужасу начал понимать, что выход из этого будет только один.

“Это будет самое короткое флотоводство за всю историю наших Аэрокосмических сил.” – с

горечью подумал он. И эта горечь помогла выучке возобладать над эмоциями, помогла преодолеть страх, сжимавший горло всякий раз, когда он бросал взгляд на обзорные иллюминаторы. Корабли изменников перестали активно маневрировать, когда к ним отправился предыдущий адмирал, но держали лоялистов в лучах радаров наведения. Флотилия Гвардии, хоть и имела в наличии "Аликорн" (один из пяти имперских супер-дредноутов, настолько огромных, что они могли генерировать собственные магические поля), но не была достаточно большой, чтобы тягаться с полновесным флотом. Но теперь, когда к ней примкнули Рассветный и Полуденный экспедиционные флоты, изменившие присяге Легиона, она стала совершенно неодолимой силой. Один корабль класса "Аликорн" был грозным противником, против трех же шансов не было никаких. Но конструкт всё же дал им тринадцать процентов…

– Братья и сестры! – робко начал он, боясь, что неверное слово заставит тех немногих, кто остался верен клятве, чести и долгу, тоже отвернуться от него. И вдруг все сомнения исчезли, остался лишь праведный гнев. "*Плевать, чем закончится эта ночь!* – подумал он с внезапно нахлынувшим остервенением. – *Даже если мы погибнем и нас самих заклеймят предателями.*"

Хэппи быстрыми, отточенными движениями включила голо-проектор, разослала сигнал по всем кораблям лоялистов, заранее соединённым в защищённую и независимую сеть. Пирс поблагодарил пегаску кивком и немного скованной улыбкой.

– Братья и сестры! Издревле, когда наставали тяжёлые времена, когда нашествия грифонов, зебр и армий тёмных богов из ещё более далёкого прошлого, терзали нашу страну, и вплоть до нашей с вами эпохи с её ужасными войнами, на защиту государства всегда вставал Легион! И неизменно враг отступал! Мы тренировались, сражались и умирали не ради короны и её почестей, не ради всеобщей любви. Мы сражались ради блага страны, ради будущего для наших детей! Каждый из нас дал эту присягу. И сегодняшний день обязательно войдет в историю! Как день, когда этот священный обет был попран, или же как день, когда мы вновь показали всем: ни одному богу не под силу сломить Легион! Даже если мы – дети его. Я сделал свой выбор. И хочу верить, что буду не одинок. Конец связи.

"Это было… воодушевляюще." – раздался в голове мыслешёпот Хэппи.

"Меня вдохновляла ты, любимая." – подумал он в ответ с грустной улыбкой и переключился на мнемосеть Полночного экспедиционного флота. Голо-проекторы тоже годились для управления войсками, но уже давно было доказано, что с мнемосетями ничто не могло сравниться в скорости отклика. – *""Полночь", слушай мою команду! Левый борт – на подавление, цель – авианосные силы Полуденного флота; перехватчикам и штурмовикам – заблокировать "Полдень", уничтожить орудия и ангары; главный калибр – по "Рассвету"! Открыть огонь! "Фланкфурт", "Конкордия" и "Нью Сэддл" – сблизьтесь с "Рассветом" на расстояние залпа, не дайте их штурмовикам приблизиться к нам! "Мейнделеев" и "Хай Винд" – Рассветный флот на вас, не подведите! Остальные, ваша цель – "Сумерки"! И да сохранит нас Таинственная милостью своей!"*

"Да сохранит!"

С этими словами на устах им и суждено было погибнуть, одному за другим. Ибо их старые боги давно были мертвы. А единственный ныне живущий – был на стороне неприятеля. И даже оказавшись в полном окружении, они продолжали бы самоубийственные, но бесполезные атаки. Ибо каждый из них очень давно решил для себя: лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Звучит до смешного глупо, но мудрецы нашли бы способ предотвратить это безумие. Но сейчас об этом никто из лоялистов и не задумывался.